

Н. Ашешов

Софья Перовская

материалы для биографии и характеристики

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. Ашешов**
Софья Перовская: материалы для биографии и характеристики / Н. Ашешов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 144 с.

ISBN 978-5-518-00523-5

ISBN 978-5-518-00523-5

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА 1.

Предки Софьи Перовской.

Если цари могут иметь свое родословное древо, то почему его не могут иметь цареубийцы?

Не те цареубийцы, которые в домашнем придворном кругу расправлялись с царями, устранив их с престола, в угоду тем или иным претендентам, в роде Алексея Орлова, покончившего с Петром III в угоду матушке Екатерине, или той придворной знати, которая убила Павла I, с благословения его сына, Александра I, не по иронии ли судьбы получившего наименование «благословенного»... А тех цареубийц, которые от имени народа и во имя его выступали тираноборцами и со свечечем свободы в руках несли в них смерть властелинам, сидевшим на троне отцов своих.

Софья Львовна Перовская была цареубийцей. Она привела в исполнение смертный приговор партии «Народной Воли» над императором Александром II. Она действовала от имени народа и во имя блага его, как его понимала. Революционерка и социалистка, она тем не менее вышла не из низов, а из верхов общества, тех верхов, которые тесно и близко соприкасались с двором царя.

Если бы мы руководствовались спутанностью, перенутанностью, запутанностью и подозрительностью происхождения, какими характеризуется дом Романовых-Готторпов, то мы могли бы указать, что Софья Перовская была из царского рода. Во всяком случае из рода, весьма высокого, аристократического, хотя основатель той фамилии, из которой она произошла, был сам низкого происхождения.

Дочь Петра Великого Елизавета, еще будучи цесаревной, пленилась красотой и прекрасным голосом молодого казака, вывезенного из Малороссии, сына Григория Рзюма — Алексея, бывшего общественным пастухом. Убежав от отца, поднявшего на него топор за то, что сын-пастух осмелился заняться таким недутевым делом, как чтение книги, Алексей попал в придворные певчие и сделал головокружительную карьеру, которая увенчалась браком его с императрицей Елизаветой Петровной, совершенным в 1742 году.

По восшествии своем на престол Екатерина II хотела даровать ему титул «императорского высочества», но бывший пастух,

а теперь уже граф Алексей Разумовский благородно отказался от этой чести, изорвав все документы, касавшиеся брака...

Некоронованный царь умер бездетным и все свое колоссальное состояние, полученное им от любимшей его царицы, оставил своему брату Кириллу. Сын последнего Алексей Кириллович, получивший блестящее для того времени образование за границей, бывший впоследствии попечителем Московского учебного округа, а затем министром народного просвещения, удалил из своего дома законную супругу свою, урожденную графиню В. П. Шереметеву, и сошелся «незаконно» с девицей Марией Михайловной Соболевской, от которой прижил десяток детей.

В царствование Александра I графу Алексею Кирилловичу удалось всех своих детей от Соболевской приписать к дворянству, причем им была присвоена фамилия «Перовских», по названию подмосковного поместья «Перово», где Елизавета Петровна венчалась с Разумовским.

Перовские — «незаконнорожденные» сыновья Алексея Кирилловича Разумовского — сделали блестящую карьеру: Алексей Алексеевич, попечитель Харьковского учебного округа, дядя и воспитатель поэта графа Алексея Толстого, приятель Пушкина и сам писатель, известный под псевдонимом «Антония Погорельского»; Василий Алексеевич — генерал-адъютант, генерал-губернатор Оренбургской и Самарской губерний, член государственного совета, один из выдающихся деятелей Николая I, верившего настолько В. Перовскому, что выдавал ему подписанные своим именем и незаполненные текстом бланки; Лев Алексеевич — министр уделов, а затем и министр внутренних дел, получивший графский титул, переданный им по бездетности брату своему, Борису Алексеевичу, занимавшему крупные посты по военному ведомству, с 1860 г. состоявшему при великих князьях Александре Александровиче (впоследствии императоре Александре III) и Владимире Александровиче. С 1862 года он был генерал-адъютантом при Александре II, а с 1874 года членом государственного совета.

И, наконец, пятый сын (или внук царицыного мужа) Николай (он был старшим в роде Перовских) сделал менее блестящую карьеру. Он служил по ведомствам иностранных дел и финансов, а затем был Таврическим вице-губернатором, а потом Феодосийским градоначальником и Таврическим губернатором.

У него-то и родился сын Лев Николаевич, получивший затем образование в институте корпуса инженеров путей сообщения. Впоследствии он занимал должность Исковского вице-губернатора, а затем назначен был Петербургским вице-губернатором. С 1-го января 1865 г. по 22 июня 1866 года Лев Николаевич состоял в должности С.-Петербур-

бургского губернатора; уволенный от этой должности, Лев Николаевич до смерти состоял членом совета министра внутренних дел. Умер он в феврале 1890 года.

Цареубийца Софья Перовская была дочерью этого действительного статского советника, бывшего Петербургского губернатора и члена совета министра внутренних дел!

Она была, таким образом, праправнучкой Алексея, — по его брату Кириллу, — Разумовского, мужа императрицы Елизаветы Петровны.

О цареубийце можно, следовательно, сказать, что среди ее предков были хотя и не царствовавшие формально, но царственные мужи.

Родословная цареубийцы, как видите, весьма пышная, знатная и богатая. Незнатные крестьянские предки фамилии, в том числе и «незаконнорожденные», были давно забыты, и Перовские считались принадлежащими, конечно, к чистой аристократии, к сливкам общества, ютившегося у императорского двора, среди тех правящих кругов и верхов, которые руководили в течение веков судьбами русского народа и великой России.

Софья Львовна Перовская могла остаться в своем исконном кругу. Она могла сделать, при своем уме и жизненных талантах, при своей красоте и ярком характере, блестящую карьеру, украсив свое имя, быть может, каким-либо громким титулом.

Но Софья Перовская не пошла проторенными путями своих отцов и дедов. Она связала свою жизнь с русской свободой, попиравшейся теми кругами, к которым она принадлежала, распятой этими кругами. И Софью Перовскую за это распяли. Она окончила свою жизнь на эшафоте, от рук царского палача.

Как же это могло случиться?

ГЛАВА 2.

Движение шестидесятих годов.

Этот драматический эффект порожден русской историей, которая после севастопольского банкротства самодержавия пережила период идейной революции, охватившей все круги и все слои общества и народа.

После царствования жандарма Николая I, инквизиторски давившего русскую жизнь, самодержавие заметалось в судорогах, которые могли быть и предсмертными. Кулак, плеть и цепи не могли, — это было очевидно даже слепым, — управлять громадной страной, все больше и больше вовлекаемой в круг общеевропейских и мировых интересов. Страна росла экономически, политически и культурно, и

злая язва—крепостное право—делалась болезненной даже для носителей короны. Носители короны предпочитали, улавливая свойства и дух времени, прикончить с этой язвой собственным соизволением, чем ожидать революции, а в семье Николая I вечно реяли призраки революции после восстания 14 декабря 1825 года.

Банкротившееся самодержавие для своего спасения выбросило тяжкий груз со своего дворянского корабля—крестьянское рабство—в надежде, что дальнейший ход корабля будет уже более легким и спокойным. Но жизнь сбрасывала уже с себя инквизиторский пресс и в дальнейшем развивалась вполне самостоятельными путями.

Самодержавие предполагало, что, уничтожив крепостное право, оно тем самым расчистит себе дорогу для дальнейшего безболезненного и спокойного существования, а жизнь смела все эти предположения, как былинку, и пошла революционными семимильными шагами вперед.

Было сброшено крепостное право, и началась идейная революция, которая взбаломутила все общество сверху и до его низов и привела к величайшему идейному кризису, к гибели старых богов—владык и к полному революционному пересмотру всех предустановленных взглядов, программ и мировоззрений.

Эта идейная революция коснулась и женского вопроса. Идея женского равноправия оказалась быстрой победительницей. Завязавшая на этой почве борьба отцов и детей кончилась, конечно, победой последних. Женщина завоевала себе самостоятельность, не останавливаясь ни пред какими препятствиями. И если в общем женское движение имело своей целью реформу семьи и выход жён и дочерей из-под тяжелой власти и опеки родителей, то на крайнем левом фланге молодежи женщина бросилась смело и наравне с мужчиной в самый центр уже не идейного только, но и реального революционного движения.

С этого момента революционное движение и русская женщина идут вместе.

Из русского революционного движения нельзя вычеркнуть женщины. Она органически себя связала с ним. Она вошла во все его проявления. Она смело подымалась на гребни самой высокой революционной волны.

И если мы видим, что аристократическая девушка из «высоких» сфер, близких к придворной знати, бросает все свои связи, традиции, положение, внешний блеск, имя, богатство и связанные с именем и этим богатством привилегии, то в этом надлежит видеть не только природные, так сказать, прекрасные качества русской женщины вообще, но и власть идейной революции шестидесятых годов, которые перевернули вверх дном весь быт и весь идейный строй русской жизни.

ГЛАВА 3.

Детские годы С. Перовской.

Софья Перовская родилась в 1854 году, в разгар севастопольского банкротства. В 16 лет она была вся обвееана революционным горячим дыханием шестидесятих годов.

Это горячее движение революционной эпохи тем легче могло достичь сердца Сони, что ей приходилось жить в тяжелых семейных условиях, и ее детские годы были лишены во многих отношениях обычных тихих и прекрасных радостей, свойственных детству.

Отец Софьи Львовны был типичным самодуром, тяжелым, властным, недалеким. В семье он был тираном и к тому же к Соне, как к самой младшей дочери, он относился весьма дурно и явно не любил ее.

Маленькой девочке приходилось видеть и переживать вместе с матерью самые тягостные сцены семейных безобразий. Крепостник-бюрократ переносил и в семью навыки своей среды, и понятно, как больно было дочурке, любившей горячо свою мать, видеть, например, такие сцены, когда отец заставлял своего малолетнего сына бить свою же мать... Не только сам отец допускал такую расправу с женой, но и детей воспитывал он в атмосфере крепостнического насилия.

На другую натуру такая жизнь и такие условия повлияли бы разлагающе. Но у маленькой Сони была прекрасная и светлая душа. И все эти кошмары семейной жизни возбуждали в ней, с одной стороны, самую пламенную любовь к своей матери, женщине нежной, тихой, скромной и кроткой, а с другой стороны, — рождали в ребенке могучую, властную, неистребимую ненависть ко всякому насилию, к зверскому проявлению грубой мужской власти. Не даром в будущем Перовская относилась несколько холодно и сдержанно к мужчинам, как к деятелям вообще, считала женщину выше их, вообще, не любила их: так из детства рана была навсегда, так жизнь, отравленная постоянными семейными сценами, вытравила из ее души и чувство к отцу, и сделала ее холодной к мужской силе вообще.

До трех лет Соня жила в Петербурге под надзором няни. Мать, хотя и обожала ребенка, но могла, по условиям своей жизни, уделять ей слишком мало внимания. Затем, когда отец был назначен Псковским вице-губернатором, ребенок также жил своей жизнью, потому что мать, вследствие служебного положения своего мужа, должна была вести светскую рассеянную жизнь.

Интересно отметить «игру судьбы»: в Пскове родители Софьи Перовской и Н. В. Муравьева, выступавшего в сенате в качестве

товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты обвинителем по делу первомартовцев, были сослуживцами и жили близко друг от друга. Дети Перовского и Муравьева-отца встречались и виделись... Игнали вместе, таким образом, палач и его будущая жертва: Муравьев ведь требовал смертной казни для товарища своих детских игр...

Дитятей Соня проявляла «мальчишеские» наклонности и кукол не любила. Резвая, веселая, она предпочитала с братьями вести серьезные игры, и ей нравилось, когда братья приучали, например, ее по-мужски защищаться от нападений. В Пскове мать вскоре бросила тот рассеянный образ жизни, который отдалял ее от детей, и Соня вполне испытала очарованья материнской любви, и связь между матерью и дочерью, которая ненавидела отца-насилника и оскорбителя,—стала отныне неразрывной. И в самые тяжкие моменты своей жизни Соня никогда не забывала своей матери; равным образом и мать не утратила ни на атом своей неизменной любви к дочери, несмотря на все дальнейшие превратности ее судьбы...

Грамоте научилась Соня от няни в восемь лет и немедленно приистрастилась к чтению. Книга с тех пор сделалась ее неизменным спутником. Учебу же Соня проходила с приходящими учителями, и, конечно, французский язык играл роль первого предмета.

Но есть замечательная черта в воспитании Софьи Перовской. Веяния времени отразились и на семье Перовских, и Соня проводила детские годы без всякого религиозного воспитания и влияния. Соня прожила без уроков по закону божьему, не ходила в церковь и вообще получала, в сущности, атеистическое воспитание, хети отец и был религиозным человеком, но, конечно, по-чиновничьи религиозным.

В гимназию Соню не отдали; быть может, этого требовал аристократизм их положения; но, к счастью, Соня не попала и в институт, тоже, вероятно, под влиянием времени, разрушавшего все предрассудки и предустановленные обычаи. Мать ее мечтала дать образование и воспитание дочери по своему плану. Но этого не удалось сделать, потому что вскоре семье пришлось испытать тяжелые дни.

Отца Соии перевели в Петербург на должность Петербургского вице-губернатора. Соне довелось тогда, в 1865 году, побывать за границей и прожить некоторое время в Женеве. Вернувшись в Петербург, Соне снова пришлось видеть, как семья обунулась в омут светской жизни. Старшая дочь подросла. Ее стали «вывозить в свет». Открытая жизнь требовала громадных средств, и отец делая долги, не задумываясь, тем более, что высокое служебное положение облегчало ему эту возможность широкого кредита. И у подрастающей

Соня, которую опять мать, при всей своей пламенной любви, должна была оставлять одну, нарастала новая ненависть—не только к насилию, воплощавшемуся в образе отца, но и ко всей этой шумной, светской, аристократической жизни, кипевшей в семье и около семьи. Ребенок связывал эту жизнь с образом мучителя-отца. И объединенные вместе, эти два впечатления вызывали одинаковое чувство ненависти. И Соня проводила эти годы опять только с одними никогда не изменявшими ей друзьями—своими книгами...

ГЛАВА 4.

Учебные годы.

Когда Соне исполнилось 12 лет, в семье ее произошел крах. Покушение Каракозова на жизнь Александра II разбило блестящую карьеру отца, повышенного тогда уже до звания Петербургского губернатора. Ему пришлось перейти в чиновное небытие, так как его упрятали в совет министра внутренних дел, находясь в котором никакой больше карьеры сделать было невозможно. Долги немедленно всплыли, и навязчивость скромных до того кредиторов сделалась невыносимой. Имение же, доставшееся от отца и находившееся в Крыму, приносило только убытки.

Тогда мать, наконец, получила возможность освободиться от ужасов своей семейной жизни и получить ту свободу, о которой она мечтала только робко в своих мечтах. Она убедила своего мужа отпустить ее с семьей в Таврическую губернию, в имение, ссылаясь на то, что в Петербурге жить сделалось не по средствам. Аргумент был более чем убедителен, и муж отпустил семью на волю, к радости его жены, справедливо полагавшей, что муж останется в Петербурге, так как он никак не мог расстаться с иллюзией вернуть себе утраченное высокое положение.

До 14 лет Соня прожила в имении, в Симферопольском уезде, в полной свободе. Она много читала, благо в имении нашлась педурная библиотека с большим выбором книг по художественной литературе, истории и естествоведению. Братья приезжали на каникулы и тоже привозили с собой книги, и уже здесь Соня познакомилась и стала зачитываться Писаревым. Жизнь с ее освободительными гимназиями новых топов пришла и сюда, в крымское имение, и пред Соней начали открываться новые горизонты, насыщенные духом прекрасной и светлой свободы.

А 15-ти лет ей снова пришлось переехать с матерью в Петербург. Теперь Соня и ее старшая сестра Мария ехали сюда с радостью.

Их захватили новые идеалы, так как и Мария также стала увлекаться прогрессивными идеями того времени. Сестры решили вместе продолжать учиться. Имение было продано, и пред продажей мать разрешила дочерям образоваться, так сказать, свой собственный капитал, предоставив им право продать вещи и предметы обстановки дома, чтобы скопить деньги. Вероятно, здесь играло роль опасение, что отец, чтобы помешать дочерям учиться там, где они хотят, не даст им денег,—и чтобы устранить это препятствие, был найден выход в продаже вещей, что обеспечило обеим девушкам некоторую материальную независимость от отца.

В Петербург Перовские приехали в разгар прогрессивного движения вообще, женского в особенности. Семье пришлось теперь жить на скромной квартире, поселиться в которой, к общему удовольствию, отец отказался. Обстановка складывалась, таким образом, вполне благоприятно, и Сони с сестрой могли беспрестанно осуществить свою мечту об учении.

Обе они поступили осенью 1869 года на так называемые «Аларчинские» курсы при пятой Петербургской гимназии. Сюда потянулась передовая женская молодежь, и эти курсы пользовались плохой репутацией у властей. Известная официальная «Хроника социалистического движения» генерала Шебеко говорит, что эти курсы «посещались всеми нигилистками и эмансипированными, избалованными в Петербурге», и именно этим курсам «Хроника» приписывает окончательное «падение» Софьи Перовской в бездну революции. Курсы создали совершенно новую обстановку жизни Перовской. Она быстро сошлась с видными представителями тогдашней молодежи, сестрами Корниловыми, Вильберг, Лешерн-фон-Герцфельд и др., или, как говорит «Хроника», «завязала самые дурные отношения». С подругами этими Перовской довелось,—совершенно самостоятельно же,—провести летние каникулы в Лесном под Петербургом, так как мать и ее старшая сестра принуждены были сопровождать больного отца за границу. Такая случайность доставила много счастья Софье Перовской. И не даром впоследствии она вспоминала всегда восторженно этот период своей жизни.

И это вполне понятно. Не потому только чувство полного счастья охватило тогда Софью Львовну, что она внешне была совершенно свободна от всяких семейных обязательств и стеснительных условий. Важнее было то, что вместе со своими подругами она переживала медовый месяц социальных и политических увлечений, сбрасывала с себя ветхого человека и радостно приобщалась, и при том окончательно, к движению времени, носившему революционный характер уже не только в идеях, но и в практическом применении к жизни.

ГЛАВА 5.

Бегство из родительского дома.

Когда домашние вернулись из-за границы, Соне пришлось поселиться на этот раз вместе с отцом, и это было для нее совершенно непереносимой вещью. Последовательный, яркий, все доводящий до логического конца характер и ум Сони стал сказываться рано в этой натуре, богатой упорными, стальными свойствами воли, закалявшейся в испытаниях детских годов.

Как раз старый мир и новый мир России столкнулись в семье Перовских. Отец не мог переносить вида тех ингилисток, которые посещали ее дочь. Он попрежнему накладывал свою тяжелую руку на все проявления самостоятельной жизни девушки.

Но это был уже не кроткий ребенок, а молодой львенок. И когда отец стал запрещать подругам Сони приходить к ней (в особенности Вильберг с ее внешним ингилистическим обликом), то Соня решила так, как она вообще решала все крупные вопросы жизни— сразу, резко и бесповоротно. Она решила оставить отчий дом и уйти, что она и сделала осенью 1870 года.

Сестры Корниловы, вокруг которых сложился кружок, вошедший затем в кружок чайковцев (а отсюда и происхождение «Земли и Воли»), дали приют девушке, поступившей, впрочем, так, как поступали многие девушки и женщины того волнованного времени.

Отец—представитель старого мира—обратился к полиции с требованием вернуть неповинную ему дочь. А дочь—представительница нового мира—не шла ни на какие компромиссы. Вмешательство брата Василия, которому удалось предотвратить скандал, добившись выдачи Соне отдельного вида на жительство, положило конец этой распре. Отец, однако, не пожелал больше видеть своей дочери. И Соня, чтобы видеться с нежно-любимой матерью, приходила к ней тайно, с черного хода, из опасения встречи с отцом...

Борьба кончилась. Соня победила. И охваченная движением русской мысли того времени, вращавшейся исключительно около интересов русского народа, она всецело вошла в это движение и отдалась ему со всей сосредоточенной энергией своей души. Вместе с тем, «желая способствовать развитию народа», как она показывала на предварительном следствии по делу 1-го марта, Перовская начала готовиться в народные учительницы.

ГЛАВА 6.

В начале семидесятых годов.

Вспыхнувшая после уничтожения крепостного права идейная революция объединила все прогрессивные слои нашего общества. И на барометре общественных настроений—молодежи, всегда являвшейся авангардом движения, можно проследить все фазы развития нашей социальной и политической мысли.

Освобождение крестьян повело за собой сграстную тягу к освобождению человека, человеческой личности от всех внешних пут, ее тяготящих и мешающих ее развитию. Бурным натиском взбудораженной мысли личность объявлена была абсолютно свободной от всех стеснявших ее внешних факторов. Низложены были все авторитеты; все традиции объявлены были вредными. Центром общественной жизни был провозглашен и признан человек, автономная личность, которая живет и действует сообразно своему реальному мышлению.

Опрокидывая все сословные перегородки, не признавал их и отменяя идею сословий, как самую зловредную и реакционную, ворвался на арену общественной жизни разночинец, интеллигентный разночинец, которому в царствование Николая I запрещены были все ходы и выходы в здании общественности и которому возбранялось даже учиться в учебных заведениях.

Как реакция против такого насилия, веками давившего народ и его культурные силы, родился нигилизм, проповедывавший именно эту полную свободу автономной человеческой личности и признание ее центром жизни.

Проповедь нигилизма, нашедшая страстного пророка в лице Писарева,—а им зачитывалась Перевская уже в 14 лет,—была противовесом и бунтарским отрицанием дворянской барской культуры, которая была единственной на Руси. Культура должна быть для всех! Свобода для всех и полное презрение ко всему, встающему по пути этим принципам!

И когда социальные предрассудки и социальные ограничения были ниспровергнуты порывом бунтаря-нигилиста, критически мыслящей личности, интеллигентного разночинца, мыслящего пролетария,—тогда началась внутренняя духовно-созидательная работа, устремленная в русло идейного творчества для создания нового содержания новой русской общественной жизни.

И народническое учение, нашедшее в легальной прессе таких прекрасных апостолов, как Чернышевский и Добролюбов, было именно тем руслом, по которому развивается русская общественная